

СЛОВО

О ЛЮБИМОЙ ГАЗЕТЕ

«Металл» — без окалины

«ММ» читаю очень давно. Но особо близко соприкоснулась с газетой, с ее журналистами в годы войны, когда редактором работал Е. Клемин, заместителем редактора — Н. Кондратковская, литсотрудником — А. Коломиец. Это были очень интересные личности, каждый заслуживает добрых слов и отдельного разговора. Для меня, начинающего редактора, было великим счастьем работать с такими асами.

Е. Клемин с виду был человеком незаметным. Маленького роста, подслеповат, носил очки с необыкновенно толстыми стеклами, говорил тихо. Но знал он так много, что был как бы нашим «ходячим справочником» по любому вопросу.

На выпуске газеты в типографии, которая находилась тогда на ул. Пионерской, 30, бывала обычно Нина Кондратковская. Быстрая, смелая, категоричная, она вся была — один порыв... Частенько мы коротали с ней долгие часы верстки в полуподвальном помещении типографии, где было прохладно, шумно и не очень светло. Нина освобождалась раньше, поскольку хорошо знала свое дело, да и старый корректор Анна Голубенко, поскольку была подружкой Кондратковской, сначала «вычитывала» «ММ», а потом уже другие газеты. И потому я часто освобождалась только в три часа ночи, когда подписывала сигнальный номер своего «Магнито строя»...

Нина уже тогда писала стихи в свою газету, как, впрочем, и Алексей Коломиец. Оба они хорошо знали завод, а завод знал их. Помню, как в типографию звонили и сообщали о новых рекордах, героях тыла и фронтовых бригадах. Приходило что-то «снимать» из номера, чтобы поставить новую заметку. Мы говорили: «Время, вперед!» И время нас обгоняло. До сих пор во мне живет ностальгия по тому суровому времени — по высокому настрою чувств, по накалу отваги, по человеческой гармонии той жизни, когда дружба была чистой, а люди — открыты друг другу.

За долгие годы мы многое подрастеряли. Но «ММ» живет, в нем работает новое поколение журналистов, знающих дело, добрых и отзывчивых. Сегодня хороший повод назвать тех, кто работал в газете в прежние времена и был воспитан «Магнитогорским металлом» — это Гнилорыбов, К. Кияненко, Ю. Чередниченко, А. Подольский, В. Каганис. Сегодня их дело продолжают опытнейшие журналисты М. Котлухужин, В. Минулина, молодые и талантливые Т. Трушникова, В. Заслич, В. Рыбаченко... Украшают газету своими стихами наши поэты А. Павлов и Р. Дышаленкова. А «глаза» газеты — фотографии? На смену ветеранам фотожурналистики Е. Карпову и Н. Нестеренко пришел прекрасный фотокорреспондент В. Макаренко...

«ММ» для меня — любимая газета. Я могу оценить ее «изнутри» — шрифты, оформление, верстка, содержание заслуживают уважение читателей. Конечно, любое издание не живет без «проколов» — то ошибка вкрадется, то опечатка, то в ней слишком много «пиара» и слишком откровенная игра в «одни ворота».

И все же... Когда мой внук Мишка признался, что мечтает стать журналистом, я отправила его практиковаться в «Металл», а не в «МР». А ведь «Магнитогорский рабочий», кажется, более «родная» газета для нашей семьи — двадцать лет ее редактировал Мишкин дед Я. Ременник... Все дело в том, что работа в «ММ» — это особая школа магнитогорской журналистики, это возможность постигнуть глубинную суть нашего металлургического города. И потому, поздравляя журналистов-металлцев с 65-летием газеты, сочту за счастье в очередной раз оставить в ней строчку свое имя.

Р. ИНКИНА,
ветеран Магнитки,
ветеран «Магнито строя».

Когда начали обсуждать номер газеты, посвященный 65-летию «ММ», первое предложение высказала Татьяна Трушникова:

— Может, стоит сделать фоторепортаж с агрегата, носящего звание нашей газеты?

Предложение, конечно же, всем понравилось, тем более, что репортаж этот она взялась писать сама. Такая она, наша искрометная Татьяна! Генератор идей, фронтанирующий образами, сравнениями, новыми темами.

В феврале 2000-го исполнилось двадцать лет журналистскому стажу Трушниковой в «ММ». Свой личный юбилей Татьяна скромно умолчала, зато о героях своих она способна рассказывать долго и восторженно во всех редакционных кабинетах. За двадцать лет Татьяна «фронтан» вовсе не иссяк. Члнпротив, год от года, оставаясь по-весеннему свежим, он становится все более мощным и сильным. А подпитывается он от силы духа своей хозяйки и героев ее публикаций.

СТАЛЕВАРСКИЙ ХАРАКТЕР

Татьяна ТРУШНИКОВА

Именно под таким заголовком двадцать лет назад в «Магнитогорском металле» был опубликован мой дебютный репортаж о трудовых буднях комсомольско-молодежного коллектива 35-го двухвального сталеплавильного агрегата. В те годы все без исключения новобранцы заводской газеты проходили боевое крещение в основных цехах производства...

Февраль 1980-го. Мне двадцать лет, моим героям — чуть более того:

«...Сталевар Петр Маликов со своим подручным Василием Гаврилюком поставили заправочную машину. В завалочном окне — ни языков пламени, ни дыма, только яркий, подобный вспышке молнии, негаснущий свет. На этом пылающем фоне Петр — как символ сталеварского мужества: крепкий, выносливый. Свет из печи настолько яркий, что даже не видно лица Маликова.

— Он сейчас улыбается, — уверенно говорит первый подручный сталевара Николай Курлянов, — для него эта бешеная стихия — как мать родная. У Пети словно и характер-то от этого огня».

Как быстротечны годы. Апрель 2000-го. Уже два месяца нет среди нас сталевара знаменитой «двухванки» П. Маликова. Н. Курлянов теперь работает в кислородно-конвертерном цехе, В. Гаврилюк — в цехе подготовки конвертерного производства. Да и сам мартен нынче уже не в зените былой славы. Вышли из рабочего строя многие печи и агрегаты, пошел под резак и знаменитый 35-й «двухванник». Сегодня лишь пять старушек-печей пополняют стальные запасы Магнитки.

А, помнится, в 1985-м, когда заводская многотиражка праздновала свой золотой юбилей, коллективом семи самых лучших производственных агрегатов комбината было присвоено звание «Коллектив имени 50-летия «Магнитогорского металла»: мартеновской печи №19, косовой батареи №13-14, стана 250 №2, доменной печи №2, пятиклетового стана, сталеплавильных агрегатов № 35 и 29. Нынче лишь памятная мемориальная доска в сортопрокатном цехе напоминает об этом событии.

Но, к нашей радости, старожилы мартеновского цеха еще помнят ту памятную отливку, выполненную по заказу редакции в ФЛЦ. Правда, сама она не сохранилась — на переплавку пошли не только металлоконструкции печей, но и все их «нагрудные ордена». А потому на единственный оставшийся в мартене 29-й сталеплавильный агрегат имени нашей газеты мы с фотокором В. Макаренко идем как в дом родной. И в зрелых уже лицах сталеплавильных дел мастеров узнаем все те же молодые черты, тот же сталеварский характер.

— Почему не уйду в ККЦ? Да потому, что я здесь воспитывался, можно сказать, с пелен, — признается подручный сталевара Александр Шобухов, — поработав в мартене несколько лет, получаешь «прививку» на всю оставшуюся жизнь. Характер становится под сталь металл, который плавится в печи, — стальной. Так что уйду я отсюда только тогда, когда закроется последняя мартеновская печь.

И это, поверьте, не красивые слова: некогда сталеварам оттачивать риторику. Шесть голодных «ртвов» агрегата с жадностью поглощают лом и чугуны, а «переварив» суровую пищу, каждые два часа выливают в изложницы очередные 600 тонн раскаленной стали.

Справедливости ради стоит сказать: нынче ритм на агрегате не тот, что прежде: чугуна в цехе то густо, то пусто. Зато когда чугуновозы стройной чередой подходят к печам, сотни потов сходят со сталеваров.

— Неверно думать, будто у нашего производства нет будущего, — говорит старший мастер 29-го сталеплавильного агрегата Александр Петрович Сидоров. — Бесспорно за ККЦ — будущее. Но не всякая марка стали по силам конвертеру. Броневую, например, можно изготовить только в мартене. Да и наш двухванник научился в последние годы варить крепкий металл.

Старейший работник цеха А.П. Сидоров знает цену своим словам. 23 года назад именно он со своими товарищами осваивал новый для Магнитки способ производства стали на двухванном агрегате. На его памяти те дни, когда печь, «подогреваемая» кислородом, давала непривычно бурные реакции и люди в самом прямом смысле «подгорали» у огненных заслонок. Сколько усилий требовалось, чтобы попасть в химанализ, выдать строго заказанный металл, а не переплавлять уже сделанное. В рекордные годы сталеварские бригады выдавали на-гора до 1 миллиона 200 тысяч тонн металла — каждый месяц по сотне тысяч тонн. Производство на этом же агрегате в нынешнем апреле едва достигает шестидесяти тысяч. Холодные ремонты, «дежурный газ» — и вот уже не досчитывают здесь драгоценных тонн стали. Печь работает неритмично: в одни смены выдают до пяти плавов, в другие — от силы одну-две.

Невелик простор и для сталеварской фантазии: «тройка» полуспокойная и спокойная — почти каждый день, реже — «десятка» киплящая. Поэтому с особым удовольствием берутся тут за заказы на легируемый металл: можно поколдовать над созданием стали особой прочности и твердости — качества, которые в дальнейшем по достоинству оценят машиностроители и инструментальщики. Получив такой заказ как кредит доверия, мастера горячих плавов включают не только опыт, но и особое чутье, присущее только асам профессиональное наитие.

Возможно, на пороге нового тысячелетия, когда процесс сталеварения берет под свой контроль компьютерный мозг, эти рассуждения о сталеварском чутье кому-то покажутся несвоевременными. Но истинные знатоки нрава горячего металла с этим никогда не согласятся: что может быть вернее набитого глаза и надежнее проверенных временем приборов на сталеварском пульте? Мой коллега по журналистскому цеху, много лет отработавший в мартене, утверждает, что может даже по цвету выходящего из трубы дыма определить, на какую стадию работы вышла печь. А что уж говорить о красноречивом языке пламени, бьющегося за заслонкой печи? Научившийся его понимать на равных поведет диалог с огненной стихией.

Учащийся профессионального колледжа Евгений Тульских, пока только проходящий практику в этом цехе, выбирая два года назад будущую профессию, ни на миг не сомневался в правильности решения:

— Здесь не как везде, сложнее, конечно, — говорит он. — Но стремление стать настоящим мужчиной неподвластно никакой моде. Поэтому я сегодня тут.

С уважением смотрит на таких ребят бывалый мартеновец В. Киселев, сегодня исполняющий на печи «первую скрипку» сталевара. Отечески опекает он пятерых практикантов, пришедших в его бригаду, но и требователен к ним Виктор Степанович по-отцовски. Видя их нынешнее рабочее рвение, он только улыбается в ус, понимая, что настоящую цену сталеварскому труду эти юнцы узнают лишь в летние смены, а выдюжат жару лишь самые стойкие. Не случайно цеховые старожилы утверждают: отработавший у печи от звонка до звонка хотя бы одно лето уже вряд ли изменит себе и выбранному делу. Самому Виктору Степановичу в нынешнем году повезло: впервые за четыре года он пойдет в очередной отпуск в июле.

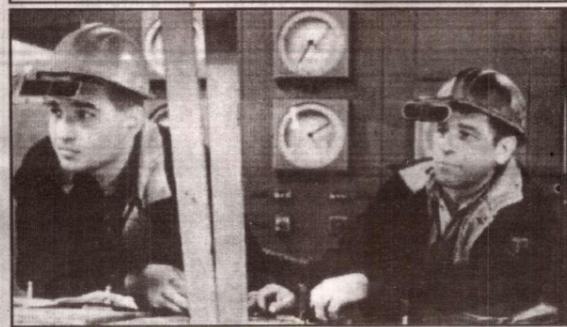
— Вволю насыжусь с удочкой у реки, всласть покопаюсь в земле на садовом участке... — мечтает он и, яв сменив интонации, добавляет, — и вернусь к родной печи.

Вот и пойми этих людей: горят, солонуют от пота, в тяжелые минуты клянут свою работу, а без нее ни могут. Одно слово — сталеварский характер, удивительный характер металлурга. Это из него мы, комбинатские газетчики, черпаем вдохновение и радость. Спросите любого из нас, каким он возвращается из цеха в редакцию, всякий ответит — окрыленным. И нет в этом ни доли лукавства.

Фото В. МАКАРЕНКО.

Интервью с обер-мастером А. Сидоровым.

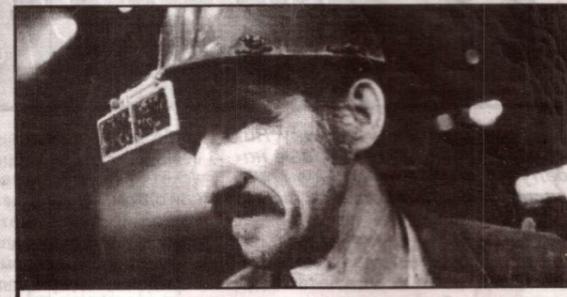
На пульте управления — Л. Перегудин и А. Миславский.

Пробу набирает А. Шобухов.

Заправка печи.

Сталевар В. Киселев.